

Пашкова Наталия Викторовна

Pashkova Nataliya Viktorovna

кандидат философских наук, старший преподаватель
кафедры истории и философии
Кубанского государственного
технологического университета

PhD, Senior Lecturer,
History and Philosophy Department,
Kuban State Technological University

**ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ
ОСНОВАНИЯ МЕТАТЕОРИИ
СОЗНАНИЯ: СФЕРА СОЗНАНИЯ
КАК ДАННОСТЬ (ПО МАТЕРИАЛАМ
ИССЛЕДОВАНИЙ
М.К. МАМАРДАШВИЛИ
И А.М. ПЯТИГОРСКОГО)**

**THEORETICAL AND METHODOLOGICAL
FOUNDATIONS OF THE METATHEORY
OF CONSCIOUSNESS: THE SPHERE
OF CONSCIOUSNESS AS A GIVEN
(BASED ON THE RESEARCH OF
M.K. MAMARDASHVILI
AND A.M. PIATIGORSKY)**

Аннотация:

В статье по материалам работ М.К. Мамардашвили и А.М. Пятигорского рассматривается проблема определения сознания и понимания его как «бытия наличного», «существующего здесь и сейчас». Обосновывается необходимость рефлексивной процедуры, которая выступает условием духовного движения индивида: от повседневности к осознанию (обнаружению) себя как мыслящего и мыслесозидающего существа. Оспаривается классический подход к сознанию, представляющий его изучение в контексте традиционной теории познания (субъект-объектного соотношения). Противопоставление сознанию ошибочно, так как субъект изначально в нем положен и не может выйти за его пределы. Для того чтобы иметь возможность говорить о сознании и не допускать логических ошибок, вводятся понятия «метатеория сознания», «сфера сознания». М.К. Мамардашвили и А.М. Пятигорский используют широкий диапазон методологических приемов, чтобы приблизиться к решению актуальнейшего вопроса философии, показать принципиальную важность его как для индивидуума, так и для общества в целом.

Ключевые слова:

сознание, сфера сознания, метатеория сознания, «борьба с сознанием», «Символ и сознание», М.К. Мамардашвили, А.М. Пятигорский, рефлексия.

Summary:

Based on the works of M.K. Mamardashvili and A.M. Piatigorsky, the study discusses the problem of defining consciousness and understanding it as "being available", "existing here and now". The research substantiates the necessity of a reflexive procedure, which is a condition of the person's spiritual movement: from everyday life to the awareness (detection) of oneself as a thinking creature and a thought creator. The classical approach to consciousness, which represents its study in the context of the traditional theory of cognition (subject-object relationship), is challenged. The opposition to consciousness is erroneous, since the subject is initially placed in it and cannot go beyond it. In order to be able to talk about consciousness and prevent logical errors, the concepts of the metatheory of consciousness and the sphere of consciousness are introduced. M.K. Mamardashvili and A.M. Piatigorsky use a wide range of methodological techniques to approach the solution of the most pressing philosophical issue and demonstrate its crucial importance for both the individual and society as a whole.

Keywords:

consciousness, sphere of consciousness, metatheory of consciousness, "struggle with consciousness", Symbol and Consciousness, M.K. Mamardashvili, A.M. Piatigorsky, reflection.

Подобно ребенку, инстинктивно тянущемуся к матери, мы тяготеем к основанию, фундаменту своего собственного бытия. В этом преодолевается «феномен Фалеса». Сущность его заключается в отвлеченности субъекта от непосредственного в пользу того, что находится за пределами нашей видимости в прямом и переносном смысле. В результате долгих поисков философия вышла к субъекту как единственной реальности, открывающей бытие и его познающей. Здесь было бы уместно применить термин «сознание», поскольку он уточняет характер активности субъекта, включающей в себя опыт, переживание, соотношение. Несомненный вклад в представление сознания как продуцирующей силы (не только «отражающей», но и производящей) внесла трансцендентальная философия. Исторический контекст наложил определенный отпечаток на перспективы развития трансцендентальной мысли и смещение ее исследовательского интереса в сферу онтологии.

Нам важно не просто понимать, что из себя представляет «я», но еще и осознавать, почему мы задаем данный вопрос о «я»? Как известно, «объективизм не видит в этой постановке какой-либо сложности» [1], поскольку сознание может быть раскрыто и исследовано как любой другой объект. Однако трансцендентальный подход убеждает нас, что, стремясь «увидеть» сознание, мы совершаем тавтологическую ошибку, так как сами являемся этим сознанием, совпадаем с предметом поиска. Мы не можем выйти за пределы трансцендентальной структуры и увидеть что-либо с точки зрения стороннего наблюдателя. Сознание является одной из тех реалий,

которые мы считаем само собой разумеющимися. Мы используем все ресурсы, которые они предполагают, но стоит о них задуматься, как их сущность ускользает от нас.

Констатируя данную проблему, философская наука задается необходимостью создания трудоемких технологий по тематизации сознания. Важнейшие философские стратегии в данном направлении были намечены М.К. Мамардашвили. Отталкиваясь от уже имеющихся исследований, он пришел к собственному пути «работы» с сознанием. «Работа» с сознанием предполагает особый подход, требующий от созерцающего (философствующего) определенной подготовки. М.К. Мамардашвили скрупулезно, с точностью «хирурга» сосредоточивается на «предмете». Перед нами стоит множество дорог, каждая из которых, вполне возможно, выведет к правильному решению. Главное, не принять симулякр за истину, иметь дело с самим сознанием, а не его фикцией.

Глубокое погружение в этот непростой поиск состоялось в «Символе и сознании» – работе, которая «до сих пор еще не нашла должного отклика в философском сообществе и пользуется популярностью “темного”, “непонятного” текста» [2, с. 5]. В соавторстве с А.М. Пятигорским М.К. Мамардашвили вскрывает тему сознания, продвигаясь к сути двумя дорогами – в контексте древнеиндийской и европейской философии.

Сплетение парадоксов в области сознания, понимания и языка находит свое отражение в метатеории сознания [3]. Уточняя смысл метатеории сознания, М.К. Мамардашвили отмечал: «Понимание сознания, работа с сознанием, борьба с сознанием – отсюда и попытки построения какой-то своей метатеории сознания... вызваны нашим желанием дойти до какого-то доступного нам сейчас предела, причем предела не в чистом умозрении, не в поисках какого-то абстрактного категориального сознания, а предела в поисках основы своего сознательного существования» [4, с. 33].

Для того чтобы понять логику движения мысли М.К. Мамардашвили, необходимо прежде всего сформулировать основные принципы его методологии. Иными словами, в рассмотрении концепции сознания мы отталкиваемся от основы, а не от готовой идеи.

Теоретические основания методологии М.К. Мамардашвили не могли исключать те установки, которые стали точкой отсчета рационализма, открывшего субъект как активную, продуцирующую силу в познании. Интерес к Р. Декарту или И. Канту со стороны М.К. Мамардашвили не был историко-философской формальностью (связующим звеном между прошлым и настоящим), он был обусловлен прежде всего готовностью этих мыслителей отречься от всего в пользу неизвестного. Например, приблизив себя к границе мыслимого, Р. Декарт остановился на «я» – субстанции, что привело к формированию нового принципа философствования, отталкивающегося в своем поиске от субъекта. И. Кант еще более углубил проблему познания, сведя ее к внутренним основаниям – субъективной предпосылке, разделив субъект и объект непреодолимой пропастью.

Работая с историко-философским материалом, М.К. Мамардашвили увидел нечто большее, чем идеи, к которым пришли те или иные мыслители. Новая идея не могла случиться без работы индивидуального сознания. Наблюдения М.К. Мамардашвили трансформировались в методологический принцип – осуществление процедуры «извлечения» сознания (слушателя или читателя) из «зоны комфорта», по-другому – «инициация». Инициация с успехом применяется ученым в «Символе и сознании».

Как мы уже отметили, метатеория сознания раскрывается М.К. Мамардашвили в совместном философском эксперименте с А.М. Пятигорским – в «Символе и сознании». Пересказать или попытаться объяснить его содержание не имеет смысла, поскольку проект задуман таким образом, что причастность читателя и его вывод целиком и полностью будут зависеть от индивидуального вовлечения в текст (другое сознание). Потому уместно остановиться на методологических приемах, благодаря которым становится ясно, как именно авторы видят преодоление проблемы дефиниции сознания, как именно нужно ставить вопрос о сознании и к чему это может привести нас.

Позволим себе небольшое отступление, чтобы стало понятно, в какой плоскости будет развиваться мысль авторов. А.М. Пятигорский изначально сообщает, что философия сознания – это «гораздо больше о философе, чем о философии (включая его собственную). Более того, это гораздо больше о “здесь”, чем о “сейчас”, поскольку “здесь” означает буквально контекст философствования» [5, с. 13].

Мысль о сознании – рефлексия, выталкивает нас из каждодневной рутины – реагирования на внешние раздражители и механистического выполнения конкретных задач. Отсюда вытекает следующее.

– Рефлексия сознания онтологизирует объект, поскольку философ, анализируя нечто, превращает его в «свое». Бессмысленно искать философию без ее причастности к конкретному субъекту. Таким образом, философия исторична, а философствование всегда «в контексте». М.К. Мамардашвили для более глубокого погружения в суть проблемы использует метафору «борьбы с сознанием». По сути, это объясняет «ментальную необходимость» познания сознания, или «работы с сознанием». Как только мы задумываемся о сознании, мы выходим за рамки спонтанного процесса, решая прежде всего вопрос собственного существования. Отсюда следующий тезис.

– Метатеория сознания – это сознание, лишенное содержания в виде желаний, эмоций и т. д. Осуществляется процедура, сходная с гуссерлевской эпохэ (ἐποχή). Самое интересное то,

что остается после данного исключения. Здесь и происходит чудо понимания, новая стихия мысли, доступная для разума только ее обладателю.

Важнейшим термином метатеории сознания является «сфера сознания». Авторы намеренно уклоняются от необходимости определения сознания, поскольку не желают столкнуться с противоречиями и тем самым зайти в тупик.

Есть какая-то данность и то, что к ней относится, но отсутствует четкое построение данности, поскольку ее содержание постоянно обновляется. Вводя сферу сознания, мы можем, описывая тот или иной объект или явление, говорить о том, относится он к ней вообще или нет. Достаточно основательно обозначенную проблему определила Д.Э. Гаспарян, справедливо отмечая, что в ее решении мы можем довольствоваться только «мало чем подкрепленной интуицией» и обыденным опытом [6, с. 49].

Методологический принцип, используемый для обозначения проблемы определения сознания, схож с апофатическим приемом, суть которого – приблизиться к недостижимому объекту за счет намека, полного отрицания, молчания и т. д. Сферу сознания можно символично представить «молчанием» в контексте видения сознания М.К. Мамардашвили и А.М. Пятигорским. Мы не можем взять сознание за объект изучения, поскольку в этом случае нам необходимо перестать мыслить, что невозможно. Это *первый шаг* к вопросу о сознании. Но и до него нужно дорасти хотя бы пониманием о том, что сознание *не есть* обычное отражение вещей, объективно существующее, или некая реальность, которая мне, как ее обладателю, присуща. Тупик заставляет *искать* выход из него, что разрешается в применении «сферы сознания», выступающей предельным основанием.

Когда мы вникаем в рассуждение М.К. Мамардашвили (как и А.М. Пятигорского) о сфере сознания, создается впечатление, будто это условное допущение трансформируется в умозрачительную метафизическую категорию, типа «Единого» Плотина. Сознание, по М.К. Мамардашвили, не имеет пространственно-временной характеристики, а также ясных критериев присутствия или отсутствия (т. е. нельзя сказать, «это относится к сфере познания, а это не относится»). Значит, оно вневременно, внепространственно, а соответственно, не связано с конкретными социально-культурными и социально-историческими условиями. Тем не менее оно положено в нас как некая интуиция и не может быть прямо выведено ни из языка, ни из культуры, ни из деятельности человека.

Отважмся на некоторое заключение по этому поводу. Большинство специалистов, которые решаются проанализировать «Символ и сознание», ждут какой-то конкретный ответ авторов на изначально поставленный ими проблемный вопрос: как возможно сознание, почему мы задаемся вопросом о сознании? По мере продвижения по тексту становится ясно, что, скорее всего, ответ мы получим в самом конце, как лучшую награду за изнурительное движение по лабиринтам авторских размышлений. Любое начало мысли должно завершиться каким-то результатом. Это и есть стандартизированный подход, от которого М.К. Мамардашвили и А.М. Пятигорский «открестились» буквально «с порога». Не случайно А.М. Пятигорский заметил, что сознание – это не о философии, а о философе, «результат» будет целиком и полностью зависеть от того, какой урок лично для себя извлечет читатель. Почему бы не допустить сознание как некую аксиому, которую не нужно доказывать и определять в силу того, что она очевидна для его обладателя? Другое дело, если сознание ограничивать какими-то материальными условиями или замыкать его, изучая как объект познания.

Редкий случай, когда работа задумывается ради процесса, где само действие мысли есть необходимое условие понимания «работы с сознанием».

Таким образом, заслугами авторов являются правильная постановка проблемы о сознании, моделирование интуитивных способов ее решения, а это отнюдь немало. От постановки вопроса зависит и выбор пути, по которому пойдет исследователь. Данный путь, как нам кажется, авторы вполне ясно обозначили. Методологические принципы, описанные нами в контексте работы «Символ и сознание», универсальны и могут быть применены в любом философском исследовании.

Ссылки и примечания:

1. Более подробно данный аспект освещается в работе Анет Георгиевой, которая подвергла критике натуралистический, психологический и лингвистический подходы. См., например: Гергиева А. Аналитичната философия и метафизиката на съзнанието. София, 2007.
2. Конев В.А. Критика опыта сознания. Самарские семинары по трактату М.К. Мамардашвили и А.М. Пятигорского «Символ и сознание». Самара, 2008. 156 с.
3. Метатеория сознания – это умозрачительное отгораживание от устоявшегося культурного мышления (фиксированными символами сознания), а также «вынесение за скобки» психологической, эмоциональной, объективированной обусловленности сознания.
4. Пятигорский А.М., Мамардашвили М.К. Символ и сознание. Метафизические рассуждения о сознании, символике и языке. М., 1997. 224 с.
5. Там же. С. 13.
6. Гаспарян Д.Э. В защиту феноменального сознания: аргументы против физикализма в современной аналитической философии (часть I) [Электронный ресурс] // Философские проблемы информационных технологий и киберпространства. 2013. № 2. С. 43–55. URL: http://pglu.ru/upload/iblock/ce5/fenomenalnoe-soznanie-_gasparyan_.pdf (дата обращения: 11.10.2017).

References:

Gasparyan, DE 2013, 'In defense of phenomenal consciousness: arguments against physicalism in contemporary analytic philosophy (Part I)', *Filosofskiye problemy informatsionnykh tekhnologiy i kiberprostranstva*, no. 2, pp. 43-55, viewed 11 December 2017, <http://pglu.ru/upload/iblock/ce5/fenomenalnoe-soznanie-_gasparyan_.pdf>, (in Russian).

Gergieva, A 2007, *Analytical philosophy and metaphysics of consciousness*, Sofia, (in Bulgarian).

Konev, VA 2008, *Criticism of the experience of consciousness. Samara seminars on "Symbol and Consciousness", a treatise by M.K. Mamardashvili and A.M. Piatigorsky*, Samara, 156 p., (in Russian).

Piatigorsky, AM & Mamardashvili, MK 1997, *Symbol and consciousness. Metaphysical discourse on consciousness, symbolism and language*, Moscow, 224 p., (in Russian).